

Дерево у могилы. На кладбищах Северо-восточной Карелии

(Опубликовано: Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск 3. Сентябрь 2007. С. 209-216)

Летом 2006 года в рамках проекта РГНФ «Комплексное экспедиционное обследование Онежско-Беломорского водораздела» (грант 06-04-03205е, руководитель В. П. Орфинский) петрозаводские архитекторы, топонимисты, этнографы и музыковеды-фольклористы работали в Северо-восточной Карелии на границе с Архангельской областью в районе озер Выгозеро и Сумозеро в девяти населенных пунктах (с юга на север): Валдай, Вожмогора, Сенная Губа, Дуброво, Надвоицы (на Выгозере) и Воренжа, Сумостров, Ендогуба (на Сумозере), Лапино (на р. Сума).

В аннотации проекта говорилось, что Онежско-Беломорский водораздел до настоящего времени оставался «белым пятном» на историко-культурной карте Европейского Севера. В меридиональном направлении по территории водораздела с глубокой древности проходили водно-волоковые пути из Обонежья в Поморье. В широтном направлении субрегион являлся карельско-русской этноконтактной зоной, о чем свидетельствуют и современные сведения информаторов с сопредельных территорий. В 1930-е годы в связи со строительством Беломорско-Балтийского канала и значительным повышением уровня Выгозера географические и этнографические реалии этой части территории были существенно искажены, утрачены многие поселения на побережье и островах озера.

Одной из задач автора этой статьи было проведение инвентаризации кладбищ. Во всех вышеназванных селах и деревнях обследовались действующие кладбища на предмет сбора сведений о материальной атрибутике похоронной обрядности, в которой, помимо разнообразных связей с материальным миром крестьянской культуры, наглядно актуализуются представления о потустороннем мире. Следует отметить, что полевой материал (в виде дневниковых записей и 1266 цифровых фотографий) по карельским кладбищам в таком масштабе и с таким набором параметров из одного региона получен впервые. В результате он был систематизирован по пяти основным темам, из которых в данной статье будут обобщены сведения о топографии кладбищенских рощ и о функциях дерева в похоронном обряде.

Предваряя наши материалы, следует сказать, что расположение кладбищ на местности относительно поселения, ориентировка могил, состав произрастающих в кладбищенской роще пород деревьев и использование растущего дерева в качестве одного из атрибутов погребального обряда имеют свои особенности на определенной территории и связаны с древними представлениями о мире, унаследованными современным населением от этнических предков или обыкновением, доставшимся им в наследство от предыдущих насельников. Кладбище повсеместно на Европейском Севере России является своего рода индикатором, по которому сразу можно определить насколько сильна в данной местности традиция вырубания (или вырезания) ритуальных деревьев-знаков (кар. *карсикко*, арх. *залазь*), одной из функций которых было обозначить дорогу душе умершего на тот свет и оградить живых от мертвых в этом мире¹.

Без особой надобности в кладбищенской роще по традиционным понятиям жителей Карелии ничего трогать было нельзя (сбирать ягоды или грибы, ломать ветки или рвать листву, рубить деревья). Особая надобность в данном случае связана с самими похоронами и тем, что необходимо для совершения обряда, в том числе с вырубанием карсикко. Отметим сразу, что на всех кладбищах перечисленных деревень (а также по дороге к ним или вокруг них) обнаружены разные формы карсикко (обрубание сучьев и вершин или зарубки на

стволах, кое-где и вырезанные в зарубках знаки – например, инициалы покойного). Все это, как правило, на хвойных деревьях.

По поводу других проявлений объявленной темы «дерево у могилы» следует, помимо общих тенденций погребения в рощах и вырубания карсикко в них, отметить древний обычай - захоронение под деревом, известном автору также по водлозерским материалам. Всего зафиксировано 17 случаев захоронения под деревьями (могилы находятся под старыми соснами и елями и направлены головой или ногами прямо на ствол дерева), из них в 5 случаях доподлинно известно, что могилы эти детские, хотя их, вероятнее всего, больше. Кроме того, имеется 14 случаев, которые можно классифицировать как «дерево у могилы» (дерево внутри ограды в непосредственной близости от могилы).

Ниже следует описание кладбищ двух населенных пунктов на западе и востоке исследуемого района (дер. Надвоицы на оз. Выгозере и с. Лапино на р. Сума):

Надвоицы: Кладбище на юго-юго-востоке (около 500 м) от дер. Надвоицы, в отдельной роще (сосняк с листовенным подростом), на возвышении среди полей, с песчаной почвой, на мысу, у воды (юго-западная часть кладбища). Средняя часть кладбища в роще на холме старая, вдоль по направлению канала с обеих сторон – с севера и юга - новые части на открытых участках – бывших полях. Ориентация могил по линии юго-запад - северо-восток, а также запад-восток (крест на восточной стороне).

Если на новых кладбищах восточного Выгозера (в дер. Вожмогора, Сенная Губа и Дуброво), кроме двух сосен с обрубленными ветками по дороге на кладбище Сенной Губы, деревья отмечались исключительно затесями на стволе, то на старом кладбище Надвоиц картина резко менялась: здесь обрубание ветвей становится преобладающей формой карсикко. Практически все крупные старые деревья (которых осталось немного) имеют следы обрубания ветвей. Данный факт, учитывая разницу в возрасте кладбищ, еще раз говорит о том, что манипуляции с ветками и стволами, т.е. изменение самой формы объекта, является стадияльно более ранним способом обработки дерева в ритуальных целях. В любом случае, традиция затесывания ствола, не требующая таких усилий как изменение формы всего дерева, сумела сохраниться дольше, дожив практически до нашего времени. Свидетельством развитости традиции в Надвоицах являются и найденные на старом кладбище вырезанные на поверхности дерева инициалы покойного, что в своей основе восходит к родовым знакам, так называемым клеймам (известным, прежде всего, как знаки собственности). По средне- и севернокарельским полевым материалам автора, а также письменным источникам из Приладожья известно, что сведения об умершем вырезались на ближайшем от могилы дереве, на котором делали отметки о годе смерти и ставили родовой знак или инициалы покойного. На кладбище села Лапино в двух случаях инициалы умершего были вырезаны на крестах.

На старом надвоицком кладбище обнаружены:

- 1) Сосна, выделяющаяся своей толщиной среди окружающих деревьев в северной части кладбища. Снизу и до высоты 6-7 метров от земли обрублено 9 толстых и несколько тонких ветвей с разных сторон дерева, от которых остались комли разной длины. Наиболее длинные из них (до трех метров) оставлены с юго-восточной и юго-западной стороны.
- 2) Сосна в центральной части кладбища, на которой обрублены топором все ветви на высоту 5 метров (16-17 ветвей), причем оставлены примерно одинаковой длины комли (от полуметра до метра), из них самые длинные направлены в сторону воды, т.е. на юг и юго-запад.
- 3) Сосна с обрубленной вершиной в юго-восточной части кладбища в начале крутого склона к воде. У дерева топором (следы его хорошо видны) на высоте 4,5 метра отрублена вершина и несколько веток. Длинные комли ветвей оставлены как со стороны воды, так и со стороны кладбища. В связи с потерей вершины, одна из верхних ветвей дерева стала расти вверх и заменила собой обрезанную верхушку.
- 4) Сдвоенная сосна в южной части кладбища, у которой на высоту до 4 метров обрезаны все ветви. Комли оставлены в основном на восточной и юго-западной стороне дерева.

5) Засохшая сосна с обломанной вершиной и обрубленными со всех сторон ветвями в юго-восточной части кладбища (высота 5,5 м). В 40 см от земли с западной стороны дерева – зарубка длиной 25 и шириной 6-7 см, на поверхности которой ножом вырезаны буквы. Первая буква читается с некоторым трудом, но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что это буква «М», вторая буква без сомнения «В». Вырезанные буквы могут быть инициалами старожилов Надвоиц Власовых. Интересно, что на другой стороне ствола прямо напротив зарубки с инициалами сделана еще одна, но в два раза меньшая зарубка. Затесывание дерева с обеих сторон – одна из характерных черт карсикко умершего, которое делается на кладбище или на месте смерти.

6-7) Две сосны на северной оконечности кладбищенской рощи со стороны деревни с обрубленными с юга ветками на высоту до 3-4 метров. В этом конце рощи нет видимых следов могил.

8) Старая сосна с большой зарубкой в стволе и следами обрубания ветвей в крайней юго-восточной точке кладбищенской рощи у дороги. Затес на сосне находится на высоте около 1,3 м от земли, имеет длину 1,5 м и ширину около 70 см. На поверхности затеса многочисленные следы ударов топором. Зарубка сделана с юго-восточной стороны дерева и направлена в противоположную от кладбищенской рощи сторону. Заметим, что поверхность зарубки и самого ствола дерева подвергалась воздействию огня. Подобные знаки на деревьях, стоящих на границе сакральной территории и направленные в «наружное пространство» известны во многих районах Карелии. Находившийся у дороги, на границе кладбищенской рощи, издали заметный затес на дереве мог играть роль апотропея, защищавшего человека от воздействия «калмы», т.е. «могильной силы», исходящей по верованиям карел от кладбища и всего с ним связанного.

9) Старая искривленная береза у дороги на северо-восточном углу кладбища, маркирующая начало рощи со стороны деревни. На ее стволе с севера и северо-запада сделаны две уже почти затянувшиеся затески длиной около 25 см.

О могилах под деревом: в центральной части кладбища короткая (детская) могила одним своим концом упиралась в толстую сосну, на другом конце могилы поперек ее лежал большой плоский камень. Захоронение под деревом зафиксировано также в южной части кладбища: на краю могилы, рядом с деревянным прямым крестом, высотой около 60 см, возвышался ствол старой сосны в полтора обхвата. В центре кладбища внутри ограды безымянной могилы, в 20 см от ее края, росла раскидистая четырехствольная береза, диаметр стволов которой колебался в пределах 15 - 25 см.

Карсикко на щелье². В 200 метрах на северо-запад от кладбища, на склоне, ведущем к берегу канала (река Войца) обнаружилась расщелина в скальном грунте, которая охватывала полукольцом территорию около 50 м в поперечнике. С южной стороны этого полукольца, где расщелина в скале имеет ширину от 1,5 до 2,5 метров и глубину до 5-6 метров, по краям ее и к югу по берегу канала находилось 7 старых толстых сосен с обрубленными с разных сторон ветвями на уровне 5-6, а на некоторых и до 8-9 метров над землей. У одной из сосен на берегу была обрезана не только вершина, но и все вытянувшиеся впоследствии вверх толстые ветви. Внешне она походила на непропорциональную мутовку. Практически на всех стволах сосен-карсикко были разной величины и формы зарубки (кроме сосен большой затес был сделан и в стволе толстой березы на краю расщелины), некоторые из них довольно старые, так как глубоко заросли в стволы деревьев. Особенно сильно была изрезана самая старая, не менее чем 200-летняя сосна в центральной точке изгиба расщелины на высоком ее краю. Крона ее была видна с дороги, ведущей на кладбище. На стволе сосны было несколько «дупел», глубоких отверстий и щелей. Со стороны кладбища между двумя «щелями» была сделана сплошная зарубка или затес шириной около трети ствола. В этом промежутке, а также выше и ниже этого места на стволе обнаружилось 13 гвоздей, некоторые из них были коваными. Здесь же в ствол было утоплено толстое кованое железное кольцо.

Откуда здесь такое количество старых карсикко? Можно предположить, что впечатляющий разлом в скале и образовавшийся на этом месте подземный грот мог

восприниматься жителями как некое «нечистое место» (ср.: скальный разлом ниже по течению Войцы назывался Чертовым стулом). В этом случае карсикко выступало бы в функции охранителя «нечистого», а некогда может быть и обозначения «священного» места. В пользу последнего предположения косвенно говорит то, что на нескольких старых соснах, и, прежде всего, на центральном дереве – сосне на гребне расщелины - надо всеми ее «щелями» и «дуплами» были обнаружены подпалыны в коре и на поверхности зарубок. Это говорит о том, что в углублениях стволов жгли восковые свечи. Таким образом, можно предположить, что здесь находилось место моления или жертвоприношения, т.е. жертвенное место. По поводу жертвоприношения в расщелине скалы имеется примечательное свидетельство XVII века из деревни Боранова Гора прихода Яккима (Северо-западное Приладожье), происходившее до исхода из этих мест православных карел. Все жители деревни, как говорилось в судебном документе 1675 года, ежегодно на Петров день собирались на высоком холме, куда приносили приготовленное загодя пиво. Там варились молочная каша, а вместе с ней - куриное яйцо, после чего кто-нибудь забирался на дерево и кричал, призывая на обед «бесов». «Когда все принимались есть, кто-то один доставал яйцо поварешкой из котла и опускал его в расщелину или овраг, бывший на холме и обычно служивший местом жертвоприношения»³.

Фактов, говорящих о том, что отдельные почитаемые «священные» деревья отмечались зарубками или обрубанием сучьев и вершин, т. е. были карсикко, собрано достаточно много, но карсикко, составляющие целую компактную рощу, которая не имеет прямого отношения к кладбищу – явление для Карелии довольно редкое. Одна из таких рощ находится в Суднозере бывш. Вокнаволоцкой волости, где в священной роще в конце XIX века происходили жертвоприношения животных⁴.

Лапино: Два лапинских кладбища находятся на левом берегу реки, «за водой», по направлению на юго-запад от центра деревни. Старое кладбище находится на высоком мысу в форме гряды на берегу р. Сумы, в 200 м от домов. Новое кладбище, примерно в 50 м от берега, делится на верхнюю (сосновый лес) и нижнюю (смешанный сосново-еловый лес) части. На старом кладбище растут сосны, почва на обоих – песчаная. Могилы старого кладбища ориентированы крестом на северо-восток, но по мере движения в новую часть кладбища, происходит изменение ориентировки на запад-восток.

Обрубание веток на соснах-карсикко зафиксировано на старом лапинском кладбище у воды, где по берегу стоит ряд старых деревьев с различными метками на стволах, три из них имеют следы обрубания ветвей и вершин. На северной стороне кладбища ствол одной из сосен на высоте 4,5 метра расходится на три ответвления, что было следствием обрубания вершины дерева. Такое же дерево находится в центральной части кладбища. И, наконец, в южной части его, у воды, стоит самое старое дерево рощи - раскидистая сосна с тремя кронами, нависающими над водой. Все нижние и некоторые верхние ветви (до четырех метров от земли) этого ветерана обрублены, причем у трех из них оставлены комли от метра и более, а у остальных 9 обрубленных толстых веток и нескольких тонких - от 10 см до полуметра. Практически все они, не считая обрубленного сучка в развилке дерева, который когда-то был его вершиной, смотрят своими комлями на реку. Толщина некоторых из них достигает 15 и более сантиметров. Со стороны воды можно свободно подойти к дереву, что, похоже, использовали и местные жители для своих религиозных нужд, так как в развилке вершин обнаружены характерные следы горения свечей. Это вьезшиеся в дерево копоты и сажа, которые образуют на поверхности «дупла» направленные вверх тонкие и длинные черные полосы. Тут же, рядом с расщелиной, в обрезанный толстый сук дерева был забит длинный гвоздь, возможно для вывешивания ритуального полотенца или другой ткани. Здесь мы в третий раз сталкиваемся с копотью от свечей на особо отмеченных деревьях, т. е. с использованием сосны-карсикко в качестве алтаря для зажигания жертвенного огня. Интересно и то, что два раза нам такие деревья попадают на кладбище.

Относительно зарубок на деревьях следует сказать, что, как и в случае с обрубанием ветвей, большинство их сосредоточилось на старом лапинском кладбище и на подходах к

нему. На новом кладбище было зафиксировано только три зарубки на соснах. Одна из них была сделана в стволе сосны на окраине нового кладбища почти у земли и была направлена в сторону старого кладбища на берегу Сумы. Посредине удлинённой формы зарубки (длина примерно 25 см) была нанесена поперечная полоса или черта. Интересно, что такая же одинокая горизонтальная черта посередине обнаружилась на зарубке, сделанной на одной из прибрежных сосен старого кладбища. Помимо того, вдоль дороги на кладбище, при подходе к нему, было обнаружено пять сосен с зарубками разной величины, одна из которых в высоту превосходила два метра. На стесанном стволе дерева, уже примерно наполовину заросшем сверху участками коры и мха, видны несколько поперечных полос, нанесённых на поверхность дерева до его зарастания корой. Напротив этого дерева стоит вторая сосна со следами длинной заросшей зарубки, от которой сейчас остались только три небольших открытых участка ствола. В одном из этих «окон» видна четко прочерченная поперечная полоса⁵. Кроме того, на описанной зарубке имеются и не совсем ясные знаки, которые могут оказаться клеймами, т.е. родовыми знаками умерших. Факт требует дополнительного изучения. На соснах старого лапинского кладбища обнаружено 14 зарубок, в общей же сложности в Лапино 24 затеса на деревьях, что можно считать своеобразным рекордом.

На восточной стороне нижней части нового лапинского кладбища, в сторону кладбищенского мыса, под большой старой елью находится детская могила. На прикрепленной к ели дощечке написано: «Кузнецова Оля умерла в 10 месяцев 1963». Одной стороной могила практически упирается в ствол дерева, на другой ее стороне установлен маленький металлический крестик, приваренный к воткнутому в землю куску железной трубы. Ребенок похоронен к дереву головой. В той же, нижней части нового кладбища накренившийся серый крест поддерживается стоящей у могилы толстой сосной. Все это находится внутри высокой и тесной деревянной ограды.

Подводя итог, следует констатировать, что расположение старых кладбищ на берегу водоемов и «за водой» по отношению к поселениям, на возвышенных местах с песчаной почвой, в сосновых или еловых рощах – это та общая «диспозиция», которая характерна для всех окружающих исследуемую территорию районов. Она известна как в Карелии, так и на старых кладбищах Восточной и Северной Финляндии. Принцип устройства кладбища «за водой» прослеживается также у саамов⁶. Топографическое положение большинства кладбищ на южной стороне относительно поселения, представляет собой отличительную местную особенность, связанную, вероятно, с традициями более южных регионов.

Карсикко - явление очень древнее, что косвенно подтверждает и более чем значительная территория его бытования (в Европейской России практически вся зона хвойных лесов), и цель исследования в этой зоне, как показывает практика, состоит не столько в выяснении того, существует ли традиция в принципе, сколько в определении форм ее бытования. Формы вырубания карсикко (обрубание сучьев и вершин у хвойных деревьев, зарубки на стволах и знаки на зарубках) и их локализация в поселении на берегу водоема (Сумостров), по дороге на кладбище, в самой кладбищенской роще и вокруг нее, в возможной жертвенной роще (Надвоицы), а также хранение материальных атрибутов похоронного обряда на дереве или под ним полностью соответствуют общекарельской традиции. Традиция карсикко оказалась особенно сильна в Надвоицах, Ендогубе, Сумострове, на старом кладбище в Лапино. Вероятнее всего карсикко здесь западного происхождения. К примеру, на северном Водлозере и на Илексе (то есть на территориях, примыкающих к исследуемому району с юго-востока и востока) существует развитая традиция карсикко, которая сохранилась там лучше, чем во многих районах Карелии. Однако как в функциях карсикко, так и в нанесении знаков на дерево она имеет свои локальные особенности, которые в исследуемом районе не прослеживаются.

С кладбища ничего не принято выносить, что связано с древними представлениями о принадлежности всех находящихся на кладбище вещей покойному (т. е. потустороннему миру) и их вредности для живых. По нашим наблюдениям эта модель поведения сохраняется и сегодня. Все вышедшие из употребления предметы и некоторые вещи,

использовавшиеся при погребении, на кладбищах сносились под большие деревья или вывешивались на них. Здесь можно было увидеть прислоненные к стволам старые кресты и надгробные столбики, доски от домовины (в Воренже и Лапино) и доски с могил (одна или две доски, положенные плашмя на могилу, на которые кладут приношения умершим, ср. кар. калмалаута), части могильных оград, венки, лопаты и пр. Обращают на себя внимание факты подвешивания на дерево (Надвоицы) или привязывания к дереву (Воренжа) старых крестов, которые соотносятся с зарегистрированными у сегозерских карел случаями использования ствола растущего дерева в качестве основы, к которому прибивается поперечины и «крыша» импровизированного креста⁷. Вывешивание креста на дерево известно и в других регионах Северо-запада страны.

Практически на каждом кладбище у стволов деревьев можно было обнаружить прислоненные к ним шесты, жерди или длинные доски, на которые ставят гроб перед опусканием его в могилу. Многие из них были длиной более 2 метров. Такой длины обычно были носилки, с помощью которых доставляли из деревни гробы с покойниками. По материалам начала XX века из Северо-западной Карелии, если умирал хозяин дома, гроб несли на кладбище при помощи взятого из избы воронца⁸. Носилки у многих народов на Севере и в Поволжье оставляли на кладбище: зарывали в могилу (марийцы), оставляли на могиле (мордва), втыкали в землю со стороны ног покойного или оставляли под деревьями (архангельские поморы и вепсы⁹). Сету оставляли носилки у «прощальных деревьев» по дороге на кладбище до полного их разрушения. Семь носилок из жердей и досок были обнаружены в кургане IX века в Старой Ладогe¹⁰.

В Вожмогоре, Сенной Губе, Надвоицах на деревьях были подвешены лоскуты, как правило, белой материи (в Дуброво и Ендогубе на крестах детских могил, а в Сенной Губе, Дуброво и Сумострове на оградах). В развилках деревьев в Вожмогоре и Сенной Губе обнаружилось несколько голиков и метел¹¹, кое-где они уже «спустились» на землю и хранились за крестом у могилы. На деревьях или под ними в выгозерских деревнях висели или лежали ведра, железные банки и другие емкости (Дуброво, Ендогуба), использовавшиеся для каждения могил, в Надвоицах висели венки и ремни для опускания гроба в могилу. Из предметов, находящихся непосредственно на могилах, прежде всего надо назвать посуду (часто перевернутую, а кое-где и старую, побитую). Как правило, посуда на могилах была традиционных цветов (такого же цвета были и крашеные деревянные ограды, кресты и столбцы) – синего, реже кирпичного или красного и (еще реже) желтого и зеленого. На одной из детских могил в Лапино обнаружили чашка и блюдце, а между каменной плитой и железной оградой пластмассовая корзинка, детская фанерная лопата для уборки снега высотой около 80 см, заостренная с двух концов деревянная палка и маленький лук, сделанный, вероятно, из рябины, с веревочной тетивой длиной около 30 см.

Небезынтересны факты, говорящие и об особой роли ели, прослеживающейся в случаях с детскими захоронениями в Ендогубе и Лапино, с елью-карсикко на берегу в дер. Сумостров, с ендогубским кладбищем - еловой рощей, где произрастало также множество можжевельника. У. С. Конкка отмечает, что в карельских похоронных причитаниях часто говорится о еловых лесах, в которые относят умершего, но сосновые боры не упоминаются. Возможно, делает она вывод, кладбища у карел раньше располагались в еловых рощах как это происходило в Северном Приладожье и Сегозерье¹². Ельниками были многие старые кладбища ухтинской Карелии, района Панозера, Тунгуды, Ребол, Сямозера и т. д. Выбор еловой рощи для устройства кладбища практиковался и за пределами Карелии. Помимо того, в разных местностях Карелии на территории поселений сохранялись отдельные группы или одиночные старые ели, многие из которых были елями-карсикко. Как правило, это были «родовые деревья», почитаемые отдельными семьями. Один из показательных примеров календарного жертвоприношения дереву связан с вывешиванием изодранных в праздничных состязаниях рубах на вершину старой ели, служившей «заместителем часовни» в дер. Лошке в Средней Карелии¹³. Путешествовавший в начале XIX века по Восточной Финляндии немецкий историк Ф. Рюс отмечал в своих мемуарах 1827 года, что жертвенные ели есть еще

почти у каждого дома в лесных районах Карелии¹⁴. В нескольких километрах от севернокарельской дер. Вокнаволок, на месте бывшей деревни Чена, стояла еще в 1990-е годы группа из трех старых елей. Она носила название Ukop kuuset – «Ели Укко» - языческого верховного бога карел. При постройке дома в Виитасаари в центральной Финляндии была посажена ель, от состояния которой зависело благополучие большого рода. Ей, в присутствии всего населения деревни, приносились ежегодные жертвы. Падение ветки с верхней части дерева предвещало смерть одного из старших членов рода¹⁵. «Погребальная» семантика ели, вероятно, имеет глубокие исторические корни, что подтверждает сравнение с верованиями родственных карелам народов: по представлениям угров, ель была деревом нижнего мира¹⁶.

Литература:

¹ Об этом см. по карелам: Конкка А.П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986; по финнам: Holmberg Uno. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki 1924; Konkka Aleksi. Kuusi kultalattu. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 77-78. Helsinki 1999; о карсикко как инструменте по освоению окружающего пространства: Конкка А. Знаки на деревьях – маркированные границы освоенного мира в таежной зоне Северной Европы // Человек и окружающая среда Баренц-региона в начале XXI века. Петрозаводск, 2001. Конкка А. П. Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003; по русским Пудожского Водлозерья: Конкка А. П. Карта сакральных мест: в поисках утраченных ориентиров // Водлозерские чтения: Естественно-научные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск, 2006.

² В Архангельской и Олонецкой губерниях скалистая, пересеченная местность, каменный кряж.

³ Катаяла К. Дымом в царствие небесное // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. С.-Петербург, 2003, с. 36-37.

⁴ Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988.

⁵ Интересно, что у хантов поперечной чертой отмечали на деревьях прошедшего в этом месте охотника: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977, с. 121; Материалы по фольклору хантов. Записи и сост. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. Томск, 1978, с. 154.

⁶ Лукьянченко Т. В. О некоторых особенностях погребального обряда Кольских саамов // Природа и хозяйство Севера, вып. 9. Мурманск, 1981, с. 93.

⁷ Орфинский В. П. Культурное зодчество Сегозерья // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск 2001, с. 100-101.

⁸ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985, с. 83.

⁹ Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986, с. 75.

¹⁰ Рихтер Е. В. некоторые особенности погребального обряда сету. Советская этнография 1979, № 2, с. 125-126.

¹¹ Об этом см.: Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко..., с. 97-99.

¹² Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992, с. 76.

¹³ Духовная культура сегозерских карел. Издание подготовили У.С. Конкка, А.П. Конкка. Л., 1980, с. 95, 119.

¹⁴ Holmberg Uno. Suomalaisten karsikoista..., s. 71.

¹⁵ Там же, с. 74.

¹⁶ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. СМАЭ XXVII. Л., 1971, с. 220.